

С тех пор как Хань Хэн заполучил Чжуан Линя в свою постель, они стали совершенно неразлучны. Каким бы поздним ни выдался час, юный князь неизменно причаливал к Саду Сюэ. Не проходило и четверти часа с момента встречи, как они оба неизбежно оказывались под одеялом.

Из-под вороха взбитых одеял вынырнула взлохмаченная голова. Хань Хэн, тяжело дыша и изнывая от жары, сел в постели. Весь мокрый от пота, он судорожно сделал несколько глубоких вдохов, после чего схватил со стоявшего у изголовья столика чашку с теплой водой и жадно, в несколько глотков, осушил ее.

— Дай и мне глоток, — лениво попросил Чжуан Лин.

Он протянул руку, притягивая Хань Хэна к себе и позволяя ему откинуться на свое плечо. Его пальцы скользнули по влажному предплечью возлюбленного. Ощущение нежной, гладкой кожи и испарины, выступившей после бурной ночи, заставило Чжуан Линя почувствовать, как в горле снова пересыхает от жажды — и отнюдь не водяной.

Хань Хэн поднес чашку к его губам, давая сделать глоток. Но затем он лукаво прищурился. Набрав полный рот воды, юноша перекатился и навалился на Чжуан Линя всем телом. Впившись в его губы, он медленно перелил влагу в чужой рот, делясь ею в поцелуе. И вновь они сплелись в объятиях, будто страшась, что эта безумная ночь закончится слишком быстро.

За ночь они предавались ласкам столько раз, что Хань Хэн сбился со счета. Когда сознание наконец вернулось к нему сквозь пелену дремоты, он сквозь полуприкрытые веки увидел Чжуан Линя, который уже стоял у кровати и одевался.

За окном еще царила глухая темень — судя по всему, близился час Мао, самое предрассветное время.

— На утренний прием? — хрипло спросил Хань Хэн. Голос его донельзя осип от усталости и сна.

Чжуан Лин затянул пояс, подошел ближе и, бережно приподняв его голову за подбородок, коснулся губами лба.

— Да, сегодня никак нельзя пропустить, — тихо ответил он. — А ты отдыхай. Как выступишься — вставай. Сегодня утром должен заглянуть лекарь Лан, осмотрит твоё лицо.

Услышав это, Хань Хэн почувствовал, как сонливость немного отступает. Он мотнул головой и небрежным жестом зачесал назад намокшие от пота волосы.

— И когда ты вернешься?

— Что, уже скучаешь и не хочешь отпускать?

В полумраке спальни разглядеть выражение лица Чжуан Линя было трудно, но в его вкрадчивом голосе явственно сквозила насмешка. Хань Хэн раздосадованно фыркнул:

— Да ну тебя, проваливай быстрее! Хоть выплюсь нормально без твоего назойливого присутствия. За все эти дни я ни разу толком не сомкнул глаз.

— Разве тебе не понравилось? — Чжуан Лин присел на край постели. Он скользнул теплой ладонью под одеяло, лаская мягкую кожу на талии Хань Хэна. Прикинув к изгибу его шеи, он оставил там горячий поцелуй.

Хань Хэн судорожно вздохнул и сжался, словно потревоженный зверек. Этот тихий, невольный стон едва не заставил Чжуан Линя сорвать с себя только что надетое одеяние. С трудом совладав с искушением, юный князь поспешно отстранился, понимая: останься он здесь еще хоть на мгновение, и государственные дела сегодня точно подождут до вечера.

Тем более что пропускать сегодняшний совет он действительно не имел права.

Хань Хэн измученно зевнул, закопался лицом поглубже в подушки и, сонно завозившись под одеялом в поисках удобного положения, мгновенно провалился в глубокий сон.

Когда он открыл глаза в следующий раз, солнце уже стояло высоко. В горле нещадно першило от сухости, а глиняный чайник, стоявший у изголовья, оказался пуст — за ночь они выцедили его до последней капли.

Пожалуй, ни в этой, ни в прошлой жизни у него не бывало столь беспутных дней. Все последние четверо суток его разум пребывал в сладостном оцепенении, а мысли испарились, уступив место ненасытной страсти.

Подобное наваждение одновременно пугало его и рождало в душе странное чувство опустошенности.

«Теперь понятно, почему столько людей теряют от этого голову. Подобное безумие и впрямь сложно описать словами», — думал он. В прошлой жизни, будучи Пэй Цзя, он оставался девственником, так что дать волю природе теперь казалось делом вполне простительным. Но вот Чжуан Лин... Тот совершенно не походил на неопытного юнца. От одних воспоминаний о том, как искусно князь целовал его и какие ласки расточал, у Хань Хэна до сих пор по коже бежали мурашки. Будто у него до этого никого не было! Рассказывай эти сказки кому-нибудь другому, но уж точно не мне.

К тому же Чжуан Лин с поразительной точностью находил самые чувствительные места на его теле. Ему хватало лишь легких дразнящих прикосновений, чтобы заставить Хань Хэна

полностью позабыть о сопротивлении, а ведь в запасе у князя имелось немало и других уловок.

Не будь это юношеское тело столь гибким и послушным, Хань Хэн давно бы уже испустил дух от таких изнурительных упражнений.

Смущало его и другое. В меру своих скромных познаний в этой области Хань Хэн смутно помнил, что после любовных утех мужчинам положено тщательно очищать тело изнутри, дабы избежать лихорадки и расстройства желудка. Однако в ту самую первую ночь в Башне Слушания Лебедей Чжуан Лин явно пренебрег этой процедурой. Да и потом все шло по одному сценарию: любовные ласки неизменно заканчивались тем, что Хань Хэн терял сознание от изнеможения. Приходя в себя, он чувствовал, что пот с его кожи аккуратно стерт, но в глубине тела всякий раз сохранялось странное, смущающее ощущение наполненности. Стоило князю уйти, как Хань Хэн, сгорая от стыда, пытался умыться и привести себя в порядок сам, но его изыскания не приносили никаких результатов.

Избавился ли Чжуан Лин от следов своего семени внутри него или нет, так и осталось для Хань Хэна неразрешимой загадкой.

Из-за того что все эти дни Хань Хэн почти не покидал постели, его первая попытка ступить на пол окончилась полным провалом. Ноги предательски дрожали и упорно не желали сходить в бедрах. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выпрямить колени. Потратив добрых полчаса на то, чтобы отработать перед зеркалом более-менее приличную, твердую походку, он наконец набрался смелости показаться на людях.

Во дворе не было ни души. Видимо, слуги уже привыкли к тому, что молодой хозяин пренебрегает утренней трапезой, и решили его не беспокоить.

Стоило вспомнить прошлый раз, когда Чжуан Лин сладко пел ему о том, как самолично принесет для него изысканные яства, а в итоге они провалялись в постели до самого вечера, после чего князя спешно вызвали обратно в поместье князя Жуй, оставив Хань Хэна голодным, как внутри у него мгновенно закипало глухое раздражение.

— Би Гэнь! Чжао Цай! Сун Сань! Живые есть?! — в сердцах крикнул Хань Хэн, ковыляя к выходу.

Ему пришлось незаметно потереть ушибленное бедро. Мышцы нещадно ломило, и каждый шаг давался с невероятным трудом, отчего на лбу то и дело выступали мелкие капли пота.

— Иду, молодой господин! — послышался звонкий голос Би Гэня. Слуга поспешно подбежал к крыльцу, а за ним, семени, следовал маленький помощник.

Мальчуган был темнокожим, круглоголовым и смышленным, с живыми, блестящими пуговками глаз.

— Ну надо же, Сяо Чжао Цай, тебя прямо не узнать. Поправился-то как с нашей первой встречи, — Хань Хэн ласково ткнул пальцем в его заметно округлившуюся щеку.

Мальчик ничего не ответил, лишь робко потупил взор.

— Чего молчишь, когда барин спрашивает? Стоишь как истукан, — Би Гэнь шутливо щелкнул мальчишку по лбу и с заискивающей улыбкой обратился к Хань Хэну: — Да он просто с дороги тогда замучился, господин, его на реке укачало сильно. А в эти дни работы не было, кормим мы тут сытно, вот он быстро бока и наел. Только вы на него особо не рассчитывайте, он пока совсем несмышлениш, возиться с ним придется долго.

Хань Хэн оправил просторные рукава и устало выдохнул:

— Хорошо, приглядывай за ним. Кстати, тем бродячим танцорам, которых мы нанимали, жалованье выплатили?

— Да, господин, все до единого медяка получили. Управляющий лично выдал из казны.

— А где вы все утром пропадали? Почему никого не было на месте?

— Так мы тут, в боковой пристройке сидели, караулили, — Би Гэнь осторожно покосился на Хань Хэна. Тот сегодня был без маски, и шрам, который последние дни оставался открытым, заметно побледнел и больше не казался таким распухшим. При ярком дневном свете рубец выглядел почти незаметным и совсем не пугал. — Юный князь строго-настрого запретил нам крутиться у дверей спальни и занимать соседние комнаты. Вот мы и ушли подальше, чтобы под горячую руку его высочеству не попасть.

«Запретил приближаться, чтобы никто не услышал лишнего...» — догадался Хань Хэн, и от этой мысли жар мгновенно бросился ему в лицо, окрасив щеки и уши в пунцовый цвет.

Стараясь сохранить невозмутимый вид, он напустил на себя строгость:

— Впредь, как только его высочество пожалует ко мне, можете устраивать себе выходной. Пускай сам меня обслуживает.

Би Гэнь не выдержал и прыснул в кулак.

Хань Хэн сердито зыркнул на него:

— Смешно тебе?

— Господин, уходить со двора нам никак нельзя. Люди вашей матушки, госпожи Сюэ, за эти дни уже несколько раз сюда наведывались с расспросами.

При упоминании о названной матушке у Хань Хэна внутри все похолодело. Из-за любовного угара он совсем позабыл о сыновней почтительности и уже несколько дней не заходил проводить Сюэ Юнь.

Матушка и раньше неодобрительно относилась к их чрезмерно близкой дружбе с Чжуан Линем. Если до нее дойдут слухи о том, чем они здесь занимаются, долгой и утомительной нотации точно не избежать.

— И что ты ей наплел?

— Сказал, что в Башне Слушания Лебедей еще дел невпроворот, и вы там целыми днями пропадаете, — шепотом поведал Би Гэнь. — Служанки госпожи порывались заглянуть в ваши покои, но Хэ Тао их зубы заговорила и спровадила. Смышленая девка, ничего не скажешь!

Хань Хэн облегченно перевел дух и закивал:

— И впредь держите язык за зубами. Ни слова матушке.

— На самом деле, господин, — осторожно заметил Би Гэнь, — не такое уж это и преступление, чтобы так усердно прятаться. В столице благородные господа сплошь и рядом так развлекаются. Юный принц знатен, пока не женат и волен делать все, что душе угодно, еще много лет. Вот только постоянно врать, будто вас нет дома, не получится — рано или поздно ложь выплывет наружу. Нужно придумать что-то более надежное.

Слова слуги звучали на редкость разумно. Покончив с завтраком, Хань Хэн принялся лениво размышлять, как устроить все так, чтобы комар носа не подточил. Впрочем, заглядывать далеко в будущее он не собирался.

Будучи человеком из двадцать первого века, Пэй Цзя плевать хотел на каноны местной морали и сословные предрассудки. Озвучь он свои истинные взгляды на жизнь вслух — его наверняка сочли бы опасным безумцем или святотатцем. Насмотревшись в своем мире на браки, которые держались лишь на бумаге, да и имея перед глазами плачевный пример собственных родителей, он никогда не испытывал священного трепета перед узами брака. Одна его знакомая актриса, без устали менявшая богатых покровителей, любила говаривать: «Ну и что, что женат? Развод еще никто не отменял. Чем больше пар разойдется, тем свободнее дышится!»

Сам он, конечно, не впадал в подобные крайности. Мужчинам в современном обществе расторгать союзы всегда было чуточку проще, но главного его правила это не отменяло: пока обоим хорошо вместе — они делят кров, а как только чувства остынут — расходятся как в море корабли.

И если даже официальный штамп в паспорте никого не удерживал, то глупо было требовать каких-то клятв верности от двух мужчин в патриархальном средневековье.

Сейчас они с Чжуан Линем упивались друг другом и в постели, и за ее пределами. Это была пора ослепляющей влюбленности, когда разум уступает место чувствам, так что пытаться строить планы на годы вперед казалось делом совершенно бессмысленным.

В конце концов, такие дела в одиночку не решаются.

Хань Хэн и сам не заметил, как в его мыслях все же промелькнула тень заботы о грядущем.

До Праздника середины осени Чжуан Лин должен был возглавить поход и отправиться на войну. В их распоряжении оставалось от силы пара месяцев. Кто знает, может, за это время они и вовсе успеют пресытиться друг другом и расстаться. Так зачем сейчас тревожить Сюэ Юнь? Пусть все остается как есть.

Сначала нужно просто пережить эти два месяца, наслаждаясь моментом. По крайней мере, сейчас Хань Хэн дорожил Чжуан Линем, да и неумный пыл принца в постели красноречиво свидетельствовал о взаимности. К чему портить сладкие мгновения лишней головной болью?

Закончив с едой, Хань Хэн прихватил низкую скамеечку и не спеша вышел во двор. Ему давно хотелось привести в порядок разросшиеся дикие цветы и кусты, заполонившие весь сад.

Последний месяц выдался настолько суматошным, что он вздохнуть свободно не успевал. Теперь же, когда выдалась долгожданная минутка покоя, его не тянуло покидать стены поместья.

Но тишиной насладиться не удалось. Лекарь Лан явился с такой точностью, словно поджидал за углом. Хань Хэн едва успел пристроить скамейку под раскидистым деревом, как гость уже переступил порог.

Проводив лекаря в комнату, Хань Хэн невольно занервничал. И пусть окна были распахнуты настежь уже добрый час, а слуги вымели комнату до блеска и перестелили постель, он все равно то и дело виновато касался лица и искоса поглядывал на гостя. Убедившись, что старик не выказывает никакого подозрения, он наконец немного расслабился.

Лекарь Лан с величайшим тщанием прощупал его пульс, расспросил о самочувствии и, бесцеремонно ухватив Хань Хэна за подбородок, принялся ощупывать кожу вокруг рубца. Наконец он отстранился и серьезно произнес:

— В начале следующего месяца мне нужно будет уехать на несколько дней в горы за редкими травами. Твое лицо уже окрепло, так что медлить больше нельзя. Если ты готов, мы можем провести операцию через два дня.

Хань Хэн растерялся от такой поспешности и даже слегка заикнулся:

— Но вы ведь говорили... нужно ждать о... о... осени?

— Чем раньше сделаем, тем быстрее все заживет, — отрезал лекарь Лан. — Или ты передумал? Неужели тебе не хочется поскорее избавиться от этой душной маски и взглянуть на мир собственным лицом?

— Хочется, конечно... — Хань Хэн невольно поежился. — Но ведь это будет чертовски больно, верно?

— Я подготовлю усыпляющий отвар, во время самого надреза ты ничего не почувствуешь. А вот когда снадобье перестанет действовать, придется потерпеть дня два-три. Но я выпишу тебе болеутоляющие настои, так что не переживай, выдержишь.

— И все же, «не особенно больно» — это как? — с подозрением спросил юноша.

— Да какая разница! — Лан раздраженно вскинул брови. — Рано или поздно тебе все равно придется лечь под нож. От этого не убежишь.

Старик был прав — отсрочка боли не умалит ее силы. Но у Хань Хэна от одних этих разговоров уже заломило челюсть. Он невнятно пробормотал:

— Ладно... дайте мне немного времени подумать.

— Решай быстрее, — ворчливо бросил лекарь Лан. — А то уеду, и локти кусать будешь.

Покачав головой, старик покинул комнату.

Оставшись один, Хань Хэн тут же мысленно обругал себя за малодушие. Стоило согласиться сразу — ведь исход все равно один, а теперь придется мучиться от предвкушения.

Посидев неподвижно еще немного, он резко поднялся и подошел к большому зеркалу. Спустив верхние одежды до поясницы, он повернулся вполоборота. Он замер, глядя на собственное отражение. На бледной коже спины и плеч отчетливо виднелись алые отметины — недвусмысленные следы неистовых ласк Чжуан Линя.

Хань Хэн постоял так некоторое время, пребывая в глубоком смятении, после чего торопливо запахнул халат и зябко передернул плечами.

<http://bllate.org/book/20487/2233552>